

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ОБРАЗА С. ЭРЬЗИ В СТИХАХ МОРДОВСКИХ ПОЭТОВ

Т. М. КАЗАНЦЕВА,

*сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»*

(г. Саранск, РФ)

В статье рассматриваются поэтические произведения мордовских писателей, посвященные знаменитому скульптору Степану Эрьзе. Предпринимается попытка объективной оценки ранее не анализировавшихся работ по этой тематике, выявляются общие закономерности в восприятии феномена Эрьзи его земляками.

• *мордовская поэзия; творческое наследие С. Д. Эрьзи; авторское восприятие; национальное самосознание*

В условиях возрастающей урбанизации в современном обществе стремительно развиваются процессы унификации, слияния культур, поэтому все острее встает вопрос о сохранении и развитии традиционных культур. Именно осознание своей национальной принадлежности, приобщение к культуре и традициям своего народа помогают человеку идентифицировать себя в поликультурном пространстве России. По наблюдениям исследователей, в последние годы в Мордовии возрос интерес к национальному искусству, истории, к приобретению знаний о материальной и духовной культуре, о предках и современниках, о прославленных земляках. Богатым источником этой информации является литература.

Литературное наследие, посвященное Степану Дмитриевичу Нефедову, включающее в себя более 1 500 наименований, дает нам возможность больше узнать о скульпторе с мировым именем, получившем всемирную известность под псевдонимом Эрьза. Мастер пластического искусства своим творчеством вдохновлял писателей и поэтов разных национальностей, однако вполне закономерно, что значительная часть этого литературного наследия (свыше 200 произведений, написанных за полувековой период) принадлежит перу его земляков.

© Казанцева Т. М., 2012

Среди поэтических произведений о скульпторе самым объемным на сегодняшний день выступает сказание И. Шумилкина «Степан Эрьза» [8], жанровую форму которого сам автор определил как поэтический очерк. Позже редакционная коллегия журнала, издавшего произведение, переименовала его в сказание, что, на наш взгляд, больше соответствует действительности. С жанром сказания его роднят поэтическая форма повествования, реальные исторические лица и события, оригинальный фольклорный стиль изложения [7, 355]: «Митя Нефедовонь Маря низэ / Чачсь цера эйкакш... / Митят-Марят / Пек уцяскав ломанекс пряст марясть» [8, 26] («Жена Мити Нефедова Мария / Родила сына... / Мария с Митей / Были очень счастливы» — здесь и далее перевод наш — Т. К.).

В числе несомненных достоинств произведения отметим хорошую технику стиха и умелое владение эрзянским языком, что проявляется в использовании легких для восприятия лексических конструкций. К сожалению, это преимущество не выдержано писателем в полной мере, так как выразительные средства языка, фигуры поэтической речи представлены весьма однопланово. К недостаткам отнесем и отсутствие личностного осмысления автором судьбы и

творчества главного героя, образной системы в целом. Очевидно, по этой причине образы героев сказания получились трафаретными. Повествование не несет читателю новой информации, не запоминается яркими образами и событиями. В сущности, сказание «Степан Эрзя» представляет собой поэтический пересказ биографического очерка К. Г. Абрамова «Степан Дмитриевич Эрзя».

Литературное наследие, посвященное Степану Дмитриевичу Нефедову, включающее в себя более 1 500 наименований, дает нам возможность больше узнать о скульпторе с мировым именем, получившем всемирную известность под псевдонимом Эрзя. Мастер пластического искусства своим творчеством вдохновлял писателей и поэтов разных национальностей, однако вполне закономерно, что значительная часть этого литературного наследия (свыше 200 произведений, написанных за полувековой период) принадлежит перу его земляков.

Творчеству скульптора посвящено также два венка сонетов – «Пусмо» («Букет») Д. Надькина и «Ине Эрзянень пшкадема» («Обращение к великому Эрзю») И. Калинкина.

Д. Надькин больше известен в республике как ученый-филолог и общественный деятель, нежели поэт. В своих стихах он обращается к биографии Эрзи. Талант, подчеркивает автор, – это огромный труд и тяжелая ноша, которая не каждому по силам. Восхищение гениальностью художника поэт подкрепляет реальной картиной его исканий и мучений в осуществлении нелегкого призвания: «Яла маштнети, майси, сюдозь прок – / Сиземань апак маря сон роботась...» [3, 28] («Все бунтует, страдает, словно проклятый – / Без устали он работает»).

Одна из сильных в художественном плане сторон венка сонетов Д. Надькина – образ лирического персонажа. Про-

шедший путь от нищеты и невежества до мировых вершин признания, герой вызывает у читателя чувство уважения за талант, трудолюбие, упорство. Автор представляет читателю Эрзю как хранителя самобытности и лучших качеств своего народа, не побоявшегося взять его имя в качестве псевдонима и не отрекшегося от него, став знаменитым на весь мир: «Сэдтнень-сюлмавкстнень кармавтызь пултамс, / Но вейкесь эйтэдест вантовсь Степанень: / Эрзякс сон кадовсь куломанзо самс» [6, 32] («Мосты – связующие нити заставили сжечь, / Но один из них удалось сохранить Степану: / Эрзянином он остался до последних дней»).

В данном произведении превалирует национально-нравственная проблематика, остро ставится вопрос об утрате чувства национального долга и самосознания многими представителями мордовского этноса. Эрзя, по мнению поэта, стал исключением из этого ряда, чем снискал глубочайшее уважение. Подобной точки зрения придерживаются многие поэты – представители эрзянской национальности. Особенно часто образ Эрзи представляется «эталонным» в период всплеска национального самосознания в обществе.

Д. Надькин пытается привлечь внимание современников к несправедливости по отношению к прославленному Эрзю, допущенной его земляками: «Совадоjak Сычкoвoнь галереяc / (Мекс аволь Эрзянь? Кие соды мекс?)» [6, 33] («Зайдитека в галерею Сычкова / (Почему не Эрзи? / Кто знает, почему?»). Вполне возможно, что попытка оказалась успешной. По крайней мере, к 100-летию со дня рождения скульптора галерею переименовали.

Поэту удалось в целом достаточно ярко представить образ своего героя. В анализируемом венке сонетов он использовал практически все многообразие языковых средств и фигур поэтической речи. Метафоры («Кодамо кантни мештесэнзэ тол» – «Какой в грудь носит огонь»), метонимии («Митрей тетянзо лацить пазень понкст» – «Примеряли отцовские посконные штаны»), сравнения («сельмест, прок вакант,

теткезь» – «глаза, как плошки, вытаращены»), эпитеты («пси эрямо» – «горячая жизнь», «емазь велесэ» – «в пропавшем селе»), гиперболы («Пандонь сталмосо теевсь друк фрезась» – «Тяжелой, как гора, стала вдруг фреза») помогают автору передать всю полноту чувств, делают речь более эмоциональной.

Фигуры поэтической речи представлены повтором («Степан Эрьзя а янкси, тунь а янкси» – «Степан Эрьзя не каётся, ничуть не каётся»), риторическим вопросом («Мезе янксемс? Янксемась – стяжонь тев» – «Что каяться? Каяться – пустое дело»), риторическим восклицанием («Ды алкук-скак, Эрьзя ламос кенерсь!» – «И верно, во многом Эрьзя преуспел!»), бессоюзием («Ратор – Москов – Венеция – ды Ницца, Россия – Аргентина – СССР» – «Алатырь – Москва – Венеция – и Ницца, Россия – Аргентина – СССР»). В представленном обширном списке следует отметить градацию («Сон рунгтнень, мештнень, кедтнень тосоак / Сюворинзе, лепштнинзе, вадяшинзе» – «Тела, груди, руки он и там / Мял, лепил, гладил»), которая придает произведению особую экспрессию. Использование обилия речевых средств позволило автору всесторонне раскрыть образ Мастера – достойного представителя эрзянского народа. Скульптор выполнил долг перед самим собой, посвятив жизнь великому предназначению – творить прекрасное, и долг перед народом, именем которого назвался, сохранив связь с Родиной через время и расстояние.

Вместе с тем необходимо отметить недостаточное внимание поэта к осмыслению и интерпретации творчества выдающегося скульптора. Д. Надькин рассматривает творчество лишь как процесс, не прибегая к анализу бесценных результатов этого труда. Произносимые им слова восхищения, на наш взгляд, не раскрывают все многообразие творений великого Эрьзи. Кроме того, анализируемый веноч сонетов не соответствует классическим канонам: состоит из четырнадцати, а не из пятнадцати сонетов; магистральный сонет расположен в начале, а не в конце; четырнадцать сонетов первы-

ми строками повторяют магистральный, но не образуют «гирлянду», в которой первый стих каждого повторяет последний стих предыдущего. С этой точки зрения произведение явно недоработано.

В венке сонетов И. Калинкина главный акцент сделан на осмыслении личности скульптора, выражении авторского восприятия, определении роли Степана Эрьзи и его богатого творческого наследия в воспитании молодого поколения его земляков.

Несколько иного плана веноч сонетов И. Калинкина. В нем главный акцент сделан на осмыслении личности скульптора, выражении авторского восприятия, определении роли Степана Эрьзи и его богатого творческого наследия в воспитании молодого поколения его земляков. Произведение построено в форме обращения лирического героя к знаменитому земляку. С первой до последней строчки прослеживается тема патриотизма, преемственности поколений, восхищения и гордости за своих соотечественников. «Ансяк нурька шка муят, – / Сти Россиясь икелеть, прок ават» [4, 18] («Чуть призадумашься – / Встает Россия пред тобой, как мать»).

Проблематика произведения социокультурная. Автор показал, как на фоне трагических событий в истории России во время Великой Отечественной войны вдалеке от родины всей душой болеет за нее стареющий Мастер, не имеющий возможности вернуться, но не равнодушный и не безразличный к ее судьбе: «Виень пелькс ломатненень явить, / Толонь пачк эске-лить мартост вейсэ, / Оймень псисэ душманонть чавить» [4, 18] («Частицу своей силы людям ты отдал, / Сквозь огонь ты вместе с ними прошагал, / Душевым жаром врага убивал»).

Уже первые строки показывают, как высоко оценивает поэт творчество Эрьзи. Для И. Калинкина оно – источник вдох-

новения, а сам Степан Эрьзя – пример для подражания. Выразить свои чувства и свое отношение ему помогают используемые метафоры («Тонь лемесь, Эрьзя, кеняркссо эжди» – «Твое имя, Эрьзя, радостью согревает»; «Бутрав човсо Раторсь лакась» – «Мутной пеной Алатырь кипел») и сравнения («Сти Россиясь икелеть, прок ават» – «Встает Россия пред тобой, как мать»; «Шержей пандокс Моисей монь ваксс» – «Седой горой Моисей встает рядом»). В эпитетах очень часто встречаются прилагательные *ине* (великий) и *виев* (сильный) в разных сочетаниях по отношению и к Родине, и к знаменитому земляку. Это доказывает глубокий патриотизм автора, безграничное уважение и гордость по отношению к своему народу: «Ине вийть» («Великие силы»), «А онк-ставикс вий» («Неизмеримая сила») и др.

К теме Аргентины в жизни Эрьзи литераторы обращались очень часто: А. Малькин в стихотворении «На чужбине», И. Прончатов в «Возвращении», А. Тяпаев в произведении «Эрьзянь скульптуранза» («Скульптуры Эрьзи»), В. Гадаев в поэме «Призвание и деньги». Аргентинский период жизни скульптора рассматривается поэтами как годы страданий и мук, прожитых в тоске по родине.

Из фигур поэтической речи поэт использует только градацию, употребляя ее для усиления выражаемых чувств: «Паксяв тейтерь-аванзо якасть, / Топавтсть эсест, топавтсть церань тевтнень» («Женщины ходили в поле, / Делали свои и мужские дела»).

Анализируемый венок сонетов тоже не вполне соответствует классическим канонам. В каждом последующем сонете поэт повторяет последнюю строку предыдущего, образуя необходимую «гирлянду», однако, нет пятнадцатого, магистрального, сонета, без которого произведение лишено основного смыслового ядра.

Так же, как и Д. Надькин, И. Калинин прибегает к силлабической системе сти-

хосложения, однако в отличие от первого автора чередование 9- и 10-сложников делает сонеты легкими для восприятия.

Таким образом, авторы сонетов представили читателям собственную оценку личности и творчества знаменитого земляка. Их восприятие феномена Эрьзи не может оставить читателя равнодушным. Поэты Д. Надькин и И. Калинин реализовали основной замысел – вызвать интерес читателя к великому Мастеру.

Степану Эрьзе посвящен ряд поэм мордовских авторов, и среди них – «Тысяча строк об Эрьзе» Виталия Юшкина [9], опубликованная в 1985 г. На наш взгляд, это наиболее удачная поэма о скульпторе. Произведение отличает оригинальное композиционное решение: умелое сочетание воспоминаний автора, философских размышлений на тему таланта и самореализации гениальных людей, краткого биографического экскурса в жизненные перипетии Эрьзи.

Еще одним достоинством произведения является богатство художественно-выразительных средств. Практически все разнообразие фигур поэтической речи использовано автором – градация, многосоюзие, бессоюзие, риторическое восклицание и др. Для образного воспроизведения действительности В. Юшкин совместил в поэме различные лексические пласты – просторечную лексику: «*кастраты*», «*встречен батей*», индивидуально-авторские слова: «*мир перепонять*», «*Марьянна*», «*взорлил Степан*», «*не изДЕРЗАЛИ женщины его*», архаизмы: «*есмь-как есмь*». Все это помогает читателю по-новому взглянуть на творчество Эрьзи, постичь его талант. «Тысяча строк об Эрьзе» читается на одном дыхании.

Отметим, что поэме предшествовало стихотворение «Эрьзя» [10], написанное за десятилетие до этого к 100-летию юбилею Мастера. Стихотворение полностью вошло в поэму и при этом практически не переделано поэтом, за исключением одной фразы: «Твои грехи поняв, тебя приемлю» [10, 219] – в стихотворении, в поэме изменившейся на «*Не все в тебе поняв, тебя приемлю*» [9, 100]. Не-

существенная, на первый взгляд, разница в тексте демонстрирует кардинальную перемену, произошедшую в общественном мнении об Эрзые. «Прощение грехов» стало возможным в результате некоторого послабления политики по отношению к Западу в 1970-х гг. (под словом «грехи» подразумевается затянувшаяся на 23 года поездка С. Д. Нефедова в Аргентину).

П. Бардин в стихотворении «Эрзыя» мудро отметил, что объективную оценку Эрзые и его поступкам сможет дать только время: «Паряк кой-мезе ды кой-кинень / А тукшны мельс, – тень невтсы шкась...» [1, 119] («Может быть, что-то и кому-то не по нраву – это покажет время»).

К теме Аргентины в жизни Эрзыи литераторы обращались очень часто: А. Малькин в стихотворении «На чужбине», И. Прончатов в «Возвращении», А. Тяпаев в произведении «Эрзыянь скульптуранза» («Скульптуры Эрзыи»), В. Гадаев в поэме «Призвание и деньги». Аргентинский период жизни скульптора рассматривается поэтами как годы страданий и мук, прожитых в тоске по родине. Многие авторы несколько гиперболизируют этот факт, однако в целом передают его исторически достоверно. И каждый из них по-своему старается «оправдать» Мастера. Например, В. Гадаев акцентирует внимание читателя на известном факте из биографии скульптора – отказе от огромной суммы денег, предложенной американским миллионером за скульптуру «Моисей». Автор тем самым подчеркивает, что для Эрзыи суть творчества заключалась в реализации своего таланта и призвания и не сочеталась с меркантильностью: «Что деньги мастеру, когда / Он равнодушен к жизни сладкой» [2, 85].

Годы, прожитые в Аргентине, – необходимая и вместе с тем вынужденная мера во благо творчеству, а творчество в конечном счете – во благо Родине. Это – основная идея, которую пытаются донести до сознания читателей поэты.

В небольшом стихотворении «Степан Эрзыя марто кортнема» («Разговор со Степаном Эрзыей») [9] известная эрзыянская поэтесса Маризь Кемаль заостряет вни-

мание читателя на проблеме снижения национального самосознания, постепенной утраты культурного наследия и неизбежного вымирания эрзыянской нации как этнокультурной единицы.

«Эрзыя жив», – утверждает Маризь Кемаль, и жив потому, что живо его творческое наследие, являющееся отражением богатейшей культуры эрзыянского народа, неповторимого национального колорита, тысячелетней истории.

В произведении удачно совмещаются две темы, раскрываемые через противопоставленные друг другу красноречивые символы. С одной стороны, это картина старого кладбища, символизирующая вымирание нации. По мнению автора, народ, не сохранивший свой культурный стержень – язык и традиции, обречен. В качестве другого символа выступает образ Степана Эрзыи. В его уста поэтесса вкладывает обращение ко всему эрзыянскому народу с вопросами о дальнейшей судьбе нации.

«Эрзыя жив», – утверждает Маризь Кемаль, и жив потому, что живо его творческое наследие, являющееся отражением богатейшей культуры эрзыянского народа, неповторимого национального колорита, тысячелетней истории.

«Великий старец!» – обращается лирическая героиня к скульптору, и он представляется читателю мудрецом, старейшиной, хранителем рода. Эрзыя, по признанию поэтессы, – тот, перед кем склоняют голову с чувством глубокого уважения и благодарности только за то, что он был в истории нашей родной земли. В этом Великом человеке – концентрация многовековой энергии эрзыянского этноса, его лучших эмоциональных, волевых, интеллектуальных качеств.

С целью придания произведению национального колорита автор вводит в канву стихотворения фольклорный образ Мастеравы. Акцент сделан на том, что даже Земля-Матушка не может решить участь

исчезающего этноса. Его судьба – в руках самих людей.

Анализируемое произведение явилось итогом многолетних раздумий поэтессы о судьбе своего народа. Столь тревожное и пессимистичное настроение стихотворения объясняется невозможностью как-то повлиять на сложившуюся ситуацию, изменить ее ход. Передаче такого рода чувств во многом способствует использование риторических вопросов: «Мек тынь нейгак, теке чавидизь кельмсэ, / Моданть ёжова леменк ацатадо?» («Почему вы и сейчас, как побитые морозом, / Стелете имя свое по земле?»). Эмоциональный, экспрессивный порыв автора передают риторические восклицания («Эрзят! Эрзят!» – «Эрзяне! Эрзяне!»), «Зяро эрзят масторонть лангс ней кадовсть!» – «Сколько эрзян на земле теперь осталось!») и градация («Ледстнян, арсян, бажан сы шкань нееме: / Ёмить эрзятне, ваить, човорявить» – «Вспоминаю, думаю, стремлюсь увидеть будущее: / Пропадут эрзяне, сгинут, перемешаются»).

В использованных метафорах («келенк калматадо» («хороните язык»), «крестнэ ваньть» («кресты смотрят»)), сравнениях («теке чавидизь кельмсэ» («словно морозом побитые»), «корсянят, теке сал» («горькие, как соль»)) угадывается фатальная настроенность автора. И даже картина возобновляющегося жизненного круга (весеннего пробуждения) не дает читателю надежды и не прибавляет опти-

мизма: «Пургондасть чувтнэ: тундось оймест сыремтсь» [5, 47] («Распустились деревья: весна их души растопила»).

Говоря о лексических достоинствах рассматриваемого стихотворения, необходимо отметить блестящее владение Маризь Кемаль родным языком. Каждое слово в стихотворении подчинено выражению философской и национальной проблематики.

В последние годы именитые поэты своим творчеством пытаются привлечь внимание и пробудить интерес к личности знаменитого земляка у юных читателей. Так, заслуженный поэт Мордовии И. Калинин, ранее уже обращавшийся к теме Эрзы, в 2007 г. опубликовал небольшое стихотворение «Баеньбуе» («Баево») [3]. Поэта вдохновила тема малой родины великого Эрзы, для которой он жив всегда: «Кудонть покш вальманзо цитнить / Седеень эждиця валдосо. / Эзьт лепамо, нейгак ютнить / Степан Эрзянь одксчинзэ тосо...» [3] («Блестят большие окна дома / Согревающим сердце теплом. / Не угасли, и сейчас проходят / Дни юности Степана Эрзы в нем...»).

В заключение отметим, что тема Эрзы в мордовской поэзии является одной из самых актуальных. Она представляется неисчерпаемой в силу величия его творческого наследия, роста национального самосознания мордовского народа, повышения внимания к вопросам культуры.

Поступила 09.06.2012

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бардин, П. Я. Эрзя : стихт // Тештень пиземе : од поэтэнь стихт. – Саранск, 1979. – С. 119.
2. Гадаев, В. А. Эрзя: Призвание и деньги : поэма // Гадаев В. А. Праздники сердца : стихи. – Саранск, 1975. – С. 81–86.
3. Калинин, И. А. Баеньбуе : стихи // Чилисема. – 2007. – С. 21–34.
4. Калинин, И. А. Ине Эрзянень пшкадема // Сятко. – 1976. – № 6. – С. 16–20.
5. Маризь Кемаль. Ашо нармунть : стихть, ёвтамот, поэмат / Маризь Кемаль. – Саранск : Книга, 2007. – С. 47–48.
6. Надькин, Д. Т. Пусмо // Надькин Д. Т. Пинкст : кочказь произведенийт. – Саранск, 1993. – С. 28–34.
7. Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева. – М. : Просвещение, 1974. – 500 с.
8. Шумилкин, И. Степан Эрзя : сказание // Сятко. – 2006. – № 9. – С. 26–37.
9. Юшкин, В. А. Тысяча строк об Эрзе : поэма // В. А. Юшкин. Мой берег : стихи и поэмы. – Саранск, 1985. – С. 66–100.
10. Юшкин, В. А. Эрзя : стихи // Юшкин В. А. В синем и алом. – Саранск, 1976. – С. 22–23.